КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.124-134

К. М. Богатырев*

Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде[1]

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость разработки новой частной экспертной теории использования специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде, направленной на анализ и обобщение возможностей применения различных специальных знаний для исследования криминогенной информации, распространяемой в рамках цифровой среды. Для этих целей разработаны понятийные основы, включающие в себя предмет и систему новой экспертной теории, а также иные термины, имеющие значение для целостного понимания данной сферы (такие как «цифровая среда», «информационно-мировоззренческая безопасность», «ценностная основа»). Привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, необходимо ввиду особенностей распространяемой в цифровой среде информации (электронная форма, гипертекстуальность и т.д.). При этом зачастую возникает вопрос о необходимости комплексного экспертного анализа (например, применения специальных знаний в области судебного речеведения и судебной психологии, специальных компьютерно-технических знаний и т.д.). В итоге исследования принято решение о необходимости разработки новой частной экспертной теории, в статье осуществлено определение ее понятийных основ в виде рассмотрения ее предмета и системы.

Ключевые слова: экспертиза; судебная экспертиза; судебная экспертология; частная экспертная теория; специальные знания; цифровизация; информационная безопасность; мировоззренческая безопасность; цифровая среда; информационная угроза.

Для цитирования: *Богатырев К. М.* Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 10. — С. 124–134. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.124-134.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

* *Богатырев Константин Михайлович*, аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kbog@rambler.ru

Developing a Special Theory of Expert Knowledge Use with a view to Ensuring Information and Worldview Security in the Digital Environment[2]

Konstantin M. Bogatyrev, Postgraduate Student, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kbog@rambler.ru

Abstract. This paper substantiates the need to develop a new special theory of the use of expert knowledge in the framework of ensuring information and worldview security in the digital environment, aimed at analyzing and generalizing the possibilities of using a range of expert knowledge for the study of criminogenic information disseminated within the digital environment. For these purposes, conceptual frameworks have been developed, including the subject and the system of new expert theory, as well as other terms that are important for a holistic understanding of this area (such as "digital environment", "information (worldview) security", "value basis"). The involvement of persons with special knowledge is important due to the peculiarities of information disseminated in the digital environment (such as electronic form, hypertextuality, etc.). In this case, the question often arises about the need for a comprehensive expert analysis (for example, the use of special knowledge in the field of forensic speech and forensic psychology, special computer-technical knowledge, etc.). The result of the study is conclusion on the need to develop a new private expert theory; the paper defines its conceptual foundations in the form of a consideration of its subject and system.

Keywords: expertise; forensic examination; forensic expertise; private expert theory; expert knowledge; digitalization; information security; worldview security; digital environment; information threat.
Cite as: Bogatyrev KM. Formirovanie chastnoy teorii ispolzovaniya spetsialnykh znaniy v tselyakh obespecheniya informatsionno-mirovozzrencheskoy bezopasnosti v tsifrovoy srede [Developing a Special Theory of Expert Knowledge Use with a view to Ensuring Information and Worldview Security in the Digital Environment]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(10):124-134. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.124-134. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Судебная экспертология, сформировавшаяся как наука о закономерностях осуществления судебно-экспертной деятельности, продолжает развиваться в соответствии с запросами времени. Тенденции к интеграции и дифференциации знания способствуют развитию общей теории судебной экспертологии, а также появлению и развитию новых частных экспертных теорий. В настоящее время одной из основных тенденций развития общества является цифровизация — процесс внедрения новейших технических и программных средств с целью повышения уровня производительности производственной деятельности и совершенствования процедур хранения, обработки и передачи информации. Такие средства не всегда используются в благих целях: с их помощью может осуществляться оборот и распространение информации деструктивной направленности, представляющей опасность для личности, общества и государства. Возникает социальный запрос на разработку системы информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде, одним из существенных компонентов которой является использование специальных знаний с целью учета всех существенных обстоятельств дела (данный компонент требует отдельных научных исследований). В свою очередь, это приводит к необходимости новых теоретических обобщений касательно используемых в данной сфере специальных знаний, интеграции знаний из различных частных экспертных теорий отдельных родов/видов

[2] The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

экспертиз, в результате чего формируются концептуальные основы новой частной экспертной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

Исследование

Развитие научно-технического прогресса и внедрение его результатов в нашу повседневную жизнь приводит к повышению значения высоких технологий (в том числе технологий, связанных с дистанционной коммуникацией, передачей данных). Их наличие не только ведет к экспоненциальному росту объема информации и увеличению количества каналов ее передачи, но и обуславливает процесс постоянного совершенствования аппаратного и программного обеспечения данной сферы. Тенденция к цифровизации (информатизации и компьютеризации) всех сфер общественной жизни свидетельствует о том, что, несмотря на наличие традиционных средств массовой информации, таких как печатные издания (газеты, журналы и т.д.), радио, телевидение, в ближайшей временно́й перспективе доля новых информационных технологий в сфере оборота информации будет только расти; об этом свидетельствует и содержание принимаемых документов стратегического планирования, таких как Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.[3]

К числу таких новых технологий относятся информационно-телекоммуникационные сети (в первую очередь Интернет), масштабное использование которых сформировало особую среду жизнедеятельности общества — цифровую. Поскольку нормативное определение понятия «цифровая среда» отсутствует, мы сформулируем его на основе терминологического аппарата действующих нормативных правовых актов. Наиболее подходящей в качестве основы разрабатываемого определения представляется категория «информационное пространство», приведенная в упомянутой выше Стратегии развития информационного общества и понимаемая как «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры». В свою очередь, согласно Доктрине информационной безопасности РФ[4] информационная инфраструктура Российской Федерации представляет собой «совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети Интернет и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации». Таким образом, мы видим, что данные понятия включают в себя три компонента (определение которых возможно исходя из Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[5]):

— информационные технологии (процессы и методы (и способы их осуществления) поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации);
— информационные системы (совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств);
— информацию (сведения, данные независимо от формы их представления).

Именно по последнему компоненту можно выделить цифровую среду как часть информационного пространства: в ее рамках функционирует только та информация, которая имеет цифровую форму представления (т.е. перекодирована из аналоговой формы или же изначально

[3] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[4] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

[5] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

создана при помощи программных средств); такой информацией оперирует цифровая электроника. Таким образом, цифровая среда в нашем понимании представляет собой совокупность информационных технологий и информационных систем, которые обрабатывают информацию, имеющую цифровую форму представления, а также содержащих такую информацию информационных ресурсов.

Как синонимичный иногда используется термин «медиасреда» (определяемая как «пространство, в котором формируется, распространяется и воспроизводится с помощью массовых коммуникаций и СМИ культура информационного общества»[6]), однако такое обозначение представляется не совсем корректным, поскольку происходит сужение множества информационных технологий до совокупности средств массовой информации; информационно-телекоммуникационные сети по нормативному определению являются «технологическими системами, предназначенными для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники»[7], в то время как средства массовой информации в том смысле, в котором они представлены в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации»[8], могут существовать как в рамках данных технологических систем, так и вне их, а информация может распространяться ими как в цифровой, так и в аналоговой (например, печатной) форме. Таким образом, использование термина «медиасреда» как эквивалента термина «цифровая среда» в рамках научного юридического исследования не представляется возможным из-за их несоответствия.

В настоящее время цифровая среда приобрела глобальный характер. Сеть Интернет является основной системой хранения и передачи информации в мире, на основе которой функционирует так называемая Всемирная паутина — распределенная система доступа к документам, ресурсы которой в подавляющем большинстве основаны на технологии гипертекста (системы текстовых страниц, имеющих перекрестные ссылки)[9]. Сто́ит заметить, что цифровая среда не исчерпывается данными системами, однако они представляют собой ее доминирующую часть.

Цифровая среда, сформированная указанными выше информационными технологиями, предоставляющими практически неограниченный доступ к информации любого рода, способствовала преобразованию культуры (как массовой, так и элитарной), появлению ее особого пласта — культуры сетевой, являющейся продуктом деятельности сетевых сообществ (для нее характерны такие признаки, как экстерриториальность и относительная анонимность)[10]. Это же обуславливает и особенности распространяемой информации: например, вследствие особенностей компьютерно-опосредованной коммуникации происходит видоизменение языка; письменные тексты обретают черты, характерные для устного общения, а также дополняются невербальными кодами, трансформируясь в поликодовые тексты, требующие мультимодального восприятия[11]. Основным критерием истинности информации становится не вери-

[6] *Кузьмин А. М.* Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2011. № 1. URL: http://www.mediascope.ru/node/765 (дата обращения: 16.11.2020).

[7] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Ст. 3448.

[8] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

[9] Всемирная паутина // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_паутина (дата обращения: 17.11.2020).

[10] *Сафина А. М.* Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 87–95.

[11] *Никишин В. Д.*, *Галяшина Е. И.* Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 179–193.

фицируемость (проверяемость), а виральность (характеристика, определяющая вероятность возникновения у читателей желания поделиться такой информацией с другими людьми)[12].

Упомянутые характеристики цифровой среды и сформировавшейся в ее рамках сетевой культуры обуславливают определенные социальные риски: значительный объем информационных потоков характеризуется отсутствием государственного контроля. Причины тому разные: поскольку цифровая среда — новое и динамичное явление, какое-то время находившееся на периферии или же за пределами внимания законодателя и правоприменителя, даже несмотря на активную законодательную деятельность в данной сфере многие вопросы все еще нуждаются в юридическом осмыслении и закреплении. При этом отечественному законодателю необходимо правильно определить границу возможного нормативно-правового регулирования, надлежащим образом обеспечить баланс между правом на свободу слова и плюрализм мнений, с одной стороны, и правом на безопасную коммуникацию (исключающую агрессию, дискриминацию, унижение человеческого достоинства и т.д.), защиту общественной безопасности и общественного порядка, территориальной целостности государства и т.д., с другой стороны.

Очевидно, что в цифровой среде может распространяться как общественно полезная информация (новостная, учебная, научная, религиозная и т.д.), так и информация деструктивная и криминогенная (вредная для здоровья и/или развития детей, диффамационная, экстремистской/террористической направленности и т.п.). Природу цифровой среды обуславливает тот факт, что распространяемая во Всемирной паутине информация имеет публичный характер (практически всегда обращена к неопределенному кругу лиц), является общедоступной для изучения, копирования и дальнейшего использования. Из изложенного выше можно заключить, что осуществляемые в рамках цифровой среды противоправные деяния обладают высокой степенью общественной опасности. Возникает вопрос: как продуктивно противостоять таким информационным угрозам?

В связи с перечисленными выше проблемами возникает социальный запрос на создание системы обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде. Однако прежде необходимо определить содержание категории «информационно-мировоззренческая безопасность», которое является комплексным и представляет собой систему, состоящую из двух компонентов — информационного и мировоззренческого. Содержание первого выражается через понятие «информационная безопасность» и приведено в Доктрине информационной безопасности РФ: это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Мировоззрение же определяется Е. И. Галяшиной как «концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и свое место в мире, место общества и человечества в нем, на отношение человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации»[13].

Информационно-мировоззренческая безопасность, ввиду свойства эмерджентности, обладает бóльшим содержанием, нежели простая сумма составляющих ее компонентов, и представляет собой состояние защищенности отдельной личности от любых информационных угроз, направленных на изменение его картины мира, ценностных ориентаций и идеалов, и вытекающее из него состояние защищенности государства и общества.

Возникает вопрос: что должно являться основой такой безопасности?

[12] *Никишин В. Д.* Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. 2020. № 1 (61). С. 131–139.

[13] *Галяшина Е. И.* Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 33–43.

Имеет место мнение, что безопасность пользователей Интернета возможно обеспечить через противодействие деструктивному влиянию, осуществляемому на основе исторически сложившихся культурно-нравственных ценностей народов РФ. Такой тезис представляется очень разумным — в такой же степени, в какой и неопределенным. Разработка целостной системы обеспечения безопасности требует наличия единого объективного подхода, позволяющего избежать противоречий, неопределенностей и неоднозначностей в оценке существующих угроз и выработке мер противодействия им.

Как возможно консолидировать все культурно-нравственные ценности народов РФ, создать из них такую единую непротиворечивую систему? Вопрос не праздный. Этим вопросом в рамках разработки проблематики российского конституционализма (в числе прочих фундаментальных вопросов) занимался О. Е. Кутафин. Исследуя духовную основу российского конституционного государства, он неоднократно подчеркивает, что такой основой является идеологическое многообразие, закрепленное как принцип в действующей Конституции 1993 г.; кроме прочего, этот принцип запрещает возведение какой-либо одной идеологии в статус государственной или обязательной[14]. Вместе с тем существует мнение, что нам необходима разработка некой объединяющей идеи, которая позволяла бы обеспечить устойчивое развитие государства и общества, однако О. Е. Кутафин не соглашается с ним. Солидаризируясь с его позицией, заметим, что в разработке объединяющей идеи нет необходимости именно вследствие существования плюрализма мнений и демократических политических механизмов. У каждой политической силы (партии) разработана своя политическая идеология как совокупность идей и взглядов на обустройство всех сфер жизни российского общества, и именно идеология той политической силы, которая пользуется наибольшей поддержкой среди граждан на всеобщих и равных демократических выборах, играет роль общей духовной основы, получая закрепление в принимаемых органами публичной власти нормативных правовых актах, тем самым продолжая и развивая заложенные в Конституции основы конституционного строя.

Таким образом, основой информационно-мировоззренческой безопасности являются закрепленные в Конституции РФ положения о таких ценностях, как права и свободы человека и гражданина, суверенитет, демократия и т.д., а также нормы иных нормативных правовых актов, направленные на дальнейшее развитие указанных конституционно-правовых положений. К числу таких нормативных актов можно отнести уже упомянутые выше Федеральные законы об информации, о средствах массовой информации, Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[15], Стратегию национальной безопасности[16], упомянутую выше Доктрину информационной безопасности и т.д. В частности, последние два из перечисленных документов содержат указание на имеющиеся угрозы, в том числе информационные угрозы национальной безопасности, понимаемые как совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере (таких как распространение и пропаганда идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесение ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе).

Именно для противодействия этим угрозам, сформулированным и перечисленным в законодательстве, и разрабатывается система информационно-мировоззренческой безопасности. Как можно заметить, существует большое количество различных информационных угроз, но нас интересуют именно те, которые

[14] *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм : монография // Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2011. Т. 7. С. 367–413.

[15] СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

[16] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212.

имеют место в цифровой среде, поскольку ввиду особенностей последней они обладают ярко выраженной спецификой (электронная форма выражения, гипертекстуальность, публичный характер).

Разработка целостной теории информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде не представляется возможной без исследования проблематики использования специальных знаний для ее обеспечения.

Использование специальных знаний в данном случае представляется необходимым постольку, поскольку продиктовано: 1) особенностями среды распространения информации, 2) особенностями формы и содержания распространяемой информации, 3) особенностями процесса следообразования. Применительно к первому аспекту особенностями являются уже указанные электронная форма выражения и гипертекстуальность (из которой в том числе следуют трудности с определением целостности объекта исследования, содержащего значимую для дела информацию), применительно ко второму — комплексный характер распространяемой информации (креолизованные/поликодовые тексты), использование средств речевой маскировки и т.д.

При юридической квалификации деяний, совершенных в цифровой среде, необходимо соблюсти баланс между правами человека на свободу распространения и получения информации, свободу слова и плюрализм мнений и правом на безопасную коммуникацию и защиту от злоупотребления этими правами. С одной стороны, недопустима цензура и ограничение прав людей на высказывание своего мнения, с другой — недопустимо оправдание правонарушений и преступлений. Привлечение компетентного сведущего лица, принципиально обладающего процессуальной независимостью, в случаях, когда необходимо применение специальных знаний, является основным средством повышения эффективности правоприменительной деятельности в сфере обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации.

В таких случаях сведущее лицо, выполняя свои функции (как в процессуальных, так и в непроцессуальных формах), содействует правоприменительной практике обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности. Судебно-экспертное обеспечение правоохранительной деятельности (в виде консультации лица, осуществляющего производство по делу; обнаружения, фиксации, изъятия и дальнейшего исследования доказательств и т.д.) может иметь место на любой стадии производства по делу о правонарушении или даже предшествовать ему (в рамках проверки сообщения о преступлении, предшествующей возбуждению уголовного дела, в соответствии со ст. 144 УПК РФ[17]).

Ввиду динамичности цифровой сферы также необходимо своевременно осуществлять ее мониторинг на предмет возникновения новых явлений, не запрещенных законом, однако противоречащих его духу, по своей природе относящихся к информационным угрозам и ввиду этого представляющих общественную опасность.

Все перечисленное свидетельствует о необходимости научной разработки проблематики использования специальных знаний применительно к данной сфере. Такого рода исследование необходимо проводить в рамках школы судебной экспертологии — науки, предметом которой наряду с прочим является исследование закономерностей осуществления судебно-экспертной деятельности в целом. Теория данной самостоятельной дисциплины[18] была разработана в рамках научной школы, развивающейся на базе кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); ее ведущими представителями являются профессора Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин.

[17] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[18] Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 368 с. ;

Возникает вопрос: какое место в системе научного знания о деятельности сведущих лиц будет занимать исследование по настоящей теме? Для решения этого вопроса следует обратиться к системе экспертных теорий, выработанной в рамках судебной экспертологии.

Центральное место в этой системе занимает сама судебная экспертология как наука о закономерностях осуществления судебно-экспертной деятельности в целом, закономерностях возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, а также разрабатываемое на основе познания этих закономерностей единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий.

Как мы видим, судебная экспертология включает как положения, относящиеся к большинству элементов судебно-экспертной деятельности, так и положения, отражающие отдельные элементы предмета судебной экспертологии как науки. Первые положения охватываются судебной экспертологией в целом, вторые образуют систему частных судебно-экспертных теорий, являясь содержанием структуры общей теории судебной экспертологии. Единая теория позволяет делать обобщения, справедливые для всех элементов системы; в то же время содержание каждой частной теории в плане отражения конкретного элемента предмета науки представляется более полно отражающим его специфику. Таково соотношение частных теорий и общей теории судебной экспертологии.

Объекты исследования отдельных родов/видов экспертиз имеют свои свойства, вытекающие из их природы; это обуславливает необходимость уточнения методических положений по их исследованию относительно общих рекомендаций. С учетом этого в теории судебной экспертологии выделяется подсистема частных экспертных теорий, исследующих закономерности отдельных родов/видов объектов.

Процесс формирования частных теорий отдельных родов/видов экспертиз сопровождался созданием теорий, которые были призваны обслуживать несколько/большинство экспертиз различных родов (например, теории экспертной идентификации и диагностики). Такие частные экспертные теории занимают промежуточное положение между общей теорией судебной экспертологии и экспертными теориями отдельных родов/видов экспертиз.

По результатам анализа рассмотренных выше данных следует заключить, что использование специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде не относится к числу закономерностей, изучаемых общей теорией судебной экспертологии, поскольку обладает ярко выраженными чертами, не носящими универсальный характер (не все классы/роды/виды судебных экспертиз исследуют объекты, расположенные в цифровой среде). Кроме того, в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде могут использоваться различные специальные знания (компьютерно-технические, знания в области судебного речеведения, судебной психологии и т.д.), поэтому разрабатываемая в данном исследовании экспертная теория также не относится к числу частных теорий отдельных родов/видов экспертиз (не говоря уже о том, что исследование вопросов использования специальных знаний в нашем случае судебными экспертизами не ограничивается). Таким образом, можно заключить, что теория использования специальных знаний в сфере обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде является частной экспертной теорией.

Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 400 с.

Каков процесс формирования такой теории? Изменение системы частных судебно-экспертных теорий обуславливается:

— возникновением в практической деятельности экспертов потребности в новых теоретических обобщениях и объяснениях вновь выявляемых свойств и сторон изучаемых объектов;
— развитием смежных областей, приводящим в результате процессов интеграции знания к возникновению новых частных теорий в области судебных экспертиз;
— развитием самих частных теорий, изменением связей и зависимостей между ними и сферы их практического применения.

Применительно к разрабатываемой в настоящем исследовании теории можно заметить, что все три указанных обстоятельства применимы к ней в равной степени: развитие новой сферы практического применения специальных знаний (цифровой среды) и наличие в ее рамках информационно-мировоззренческих угроз привело к возникновению потребности в новых теоретических обобщениях касательно специфики функционирующих в рамках данной сферы явлений, при этом удовлетворение потребности в таких обобщениях возможно только за счет интеграции знаний из различных частных экспертных теорий отдельных родов/видов экспертиз (так же, как ранее за счет интеграции таких знаний были разработаны частные экспертные теории идентификации и диагностики).

Решение о необходимости разработки новой частной экспертной теории подводит нас к следующему шагу — необходимости определения ее понятийных основ. В некотором отношении (например, касательно анализа особенностей цифровой среды, формулирования понятия «информационно-мировоззренческая безопасность») это уже было сделано выше в процессе анализа актуальности и практической применимости данного исследования. Однако все так же не определены предмет и система настоящей теории.

Рассмотрим основные закономерности, составляющие предмет данной теории. К их числу относятся:

— закономерности функционирования цифровой среды;
— закономерности организации системы информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде;
— закономерности установления способов распространения информации, представляющей угрозу для информационно-мировоззренческой безопасности;
— закономерности введения, существования и изъятия из цифровой среды деструктивной информации, содержащейся в цифровых следах;
— закономерности отражения в цифровых следах доказательственно значимой информации;
— закономерности формирования субъективного среза объективной реальности, преломленного в контексте картины мира конкретного человека под влиянием информации, представляющей угрозу для информационно-мировоззренческой безопасности;
— закономерности применения специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде, в том числе в случаях необходимости комплексного исследования;
— закономерности организационно-методического обеспечения процесса использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде;
— закономерности организации информационно-компьютерного обеспечения деятельности субъектов применения специальных знаний (сведущих лиц);
— закономерности профилактической деятельности сведущих лиц, направленной на обеспечение информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

На наш взгляд, система теории использования специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде выглядит следующим образом:

1. Концептуальные основы теории использования специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде (в том числе предмет теории, задачи, система, функции).

2. Учение о видах информационных угроз, имеющих место в цифровой среде, и разрабатываемой исходя из них системе информационно-мировоззренческой безопасности.

3. Учение о формах и субъектах использования специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

4. Учение об организационно-методических аспектах использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

5. Учение об объектах — источниках доказательственной информации, закрепленных в цифровых следах.

6. Учение об информационно-компьютерном обеспечении деятельности субъектов применения специальных знаний (сведущих лиц).

7. Учение о профилактической деятельности сведущих лиц, направленной на обеспечение информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

Итак, нами были рассмотрены предмет и система теории использования специальных знаний в рамках обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде.

Выводы

В статье сделаны лишь первые шаги в разработке новой частной экспертной теории, представляющей собой систему достоверного знания о группе перечисленных выше объективных закономерностей.

Еще только предстоит проработать вопросы о взаимодействии отдельных лиц с цифровой средой и друг с другом в рамках цифровой среды, о том, какие криминогенные возможности распространения информации существуют, каким образом осуществляется использование специальных знаний в этой сфере, об определении необходимой компетенции привлекаемых сведущих лиц, об активных и пассивных цифровых следах.

В заключение следует сказать, что на всех этапах, от возникновения потенциальной возможности правонарушения, связанного с распространением информации, составляющей угрозу для информационно-мировоззренческой безопасности, до привлечения к ответственности нарушителя, необходимо использование специальных знаний, поскольку иначе не получится оценить природу распространяемой информации и надлежащим образом обеспечить баланс между правом на свободу слова и плюрализм мнений, с одной стороны, и правом на безопасную коммуникацию (исключающую агрессию, дискриминацию, унижение человеческого достоинства и т.д.), защиту общественной безопасности и общественного порядка, территориальной целостности государства и т.д., с другой стороны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Галяшина Е. И.* Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 6 (70). — С. 33–43.
2. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм : монография // Избранные труды : в 7 т. — М. : Проспект, 2011. — Т. 7. — 544 с.
3. *Никишин В. Д.* Цифровые и речевые следы в аспекте обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде // Судебная экспертиза. — 2020. — № 1 (61). — С. 131–139.
4. *Никишин В. Д.*, *Галяшина Е. И.* Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6 (115). — С. 179–193.

5. *Сафина А. М.* Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 5. — С. 87–95.
6. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. — М. : Норма : Инфра-М, 2019. — 400 с.
7. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 368 с.

Материал поступил в редакцию 17 августа 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Galyashina E. I. Koncepciya informacionnoj (mirovozzrencheskoj) bezopasnosti v internet-media v aspekte rechevedcheskih ekspertiz // Vestnik Universiteta imeni O.E. Кутафafina (MGYuA). — 2020. — № 1 (70). — S. 33–43.
2. Kutafin O. E. Rossijskij konstitucionalizm : monografiya // Izbrannye trudy : v 7 t. — M. : Prospekt, 2011. — T. 7. — 544 s.
3. Nikishin V. D. Cifrovye i rechevye sledy v aspekte obespecheniya informacionnoj (mirovozzrencheskoj) bezopasnosti v internet-srede // Sudebnaya ekspertiza. — 2020. — № 1 (61). — S. 131–139.
4. Nikishin V. D., Galyashina E. I. Yuridiko-lingvisticheskij podhod k issledovaniyu polikodovyh tekstov kriminogennoj kommunikacii v cifrovoj srede v celyah obespecheniya informacionnoj (mirovozzrencheskoj) bezopasnosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — T. 15. — № 1 (115). — S. 179–193.
5. Safina A. M. Setevaya kul'tura kak produkt i uslovie razvitiya setevyh soobshchestv // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye i social'nye nauki. — 2017. — № 5. — S. 87–95.
6. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': pravovoe, teoreticheskoe i organizacionnoe obespechenie : uchebnik dlya aspirantury po special'nosti 12.00.12 «Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatel'nost'; operativno-rozysknaya deyatel'nost'» / pod red. E. R. Rossinskoj, E. I. Galyashinoj. — M. : Norma : Infra-M, 2019. — 400 s.
7. Teoriya sudebnoj ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya) : uchebnik / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin ; pod red. E. R. Rossinskoj. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma : Infra-M, 2018. — 368 s.